

Усманова Лилия Аббаровна

СМЫСЛОВЫЕ МОДУЛЯЦИИ АВТОРСКОГО СЛОВА

В статье рассматриваются проблемы ассоциативных возможностей слова в пространстве художественного дискурса, анализируется коннотативная семантика лексем, называющих стихийные явления (на примере лексемы ветер), устанавливаются авторские приоритеты образных и аксиологических трактовок данных слов. Выявляются стратегии текстового семантического варьирования исследуемого слова, которые восходят к архетипам мышления и концентрируют знания об окружающем мире.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/7-2/52.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (49): в 2-х ч. Ч. II. С. 181-184. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

10. **Табаксойланы М.** Сёзюнг кёкню элгендирди... (Слово твое небо всколыхнуло...) // Табаксойланы М. Чарх оюн (Игра с колесом) / на балк. яз. Нальчик: Эльбрус, 2003. С. 213.
11. **Узденова Ф. Т.** Карачаево-балкарская поэзия: к типологии жанра // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. Пятигорск, 2008. № 2. С. 195-200.
12. **Ульянова Н. Н., Панькина Е. В.** К вопросу о языковой интуиции тюркоговорящих народностей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 4 (46): в 2-х ч. Ч. 2. С. 195-199.
13. **Юсупова Ч. С.** Поэзия // Дагестанская литература: закономерности развития (1965-1985). Махачкала: ДМЦ РАН, 1999. С. 10-176.

ETHNICAL SYMBOLS IN THE WORLDVIEW OF THE KARACHAI AND BALKARS

Uzdenova Fatima Taulanovna, Ph. D. in Philology

Institute of Researches in Humanities of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
kbigi@mail.ru

The article examines the objects of the material and non-material world “structuring” the paradigm of the ethnocultural conscience, identifies the peculiarities of their representation and interpretation in the creative work of the Karachai-Balkarian authors. Appealing to the symbolism (stone, tree) the researcher identifies the basic tendencies of the development of the national poetry: tendency to philosophize the imaginative space and to deepen psychologism.

Key words and phrases: symbol; image; national poetry; ethnocultural conscience; stone; tree; lyrics; poetics.

УДК 811.161.1

Филологические науки

В статье рассматриваются проблемы ассоциативных возможностей слова в пространстве художественного дискурса, анализируется коннотативная семантика лексем, называющих стихийные явления (на примере лексемы ветер), устанавливаются авторские приоритеты образных и аксиологических трактовок данных слов. Выявляются стратегии текстового семантического варьирования исследуемого слова, которые восходят к архетипам мышления и концентрируют знания об окружающем мире.

Ключевые слова и фразы: художественный образ; мифологизм; архетипы; индивидуально-образные смыслы; ассоциативные связи.

Усманова Лилия Аббаровна, к. филол. н., доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет
usmanova77@rambler.ru

СМЫСЛОВЫЕ МОДУЛЯЦИИ АВТОРСКОГО СЛОВА[©]

В рамках современной лингвистики, ориентированной на «познание ментальной деятельности человека и использования информации» [5, с. 14], особую значимость приобретает проблема понимания и интерпретации художественного текста и художественного образа как концентратора информации и «наиболее эффективного средства утверждения и закрепления в памяти индивида норм и ценностей, определяющих его поведение и обеспечивающих выживание общества» [3, с. 183-190]. С этих позиций образное слово в пространстве художественного текста является не только сложным и неоднородным феноменом, который может быть рассмотрен в разных аспектах, но и одним из основных средств порождения нового знания, поскольку специфика творческого мышления, определяемая принципом бесконечной языковой вариативности и языковой креативности вследствие особого восприятия реального мира, характеризуется широтой ассоциативного поля и способностью преодолевать стереотипы на конечном этапе мыслительного синтеза.

В качестве материала для исследования когнитивно-дискурсивных возможностей «живого слова» были выбраны тексты замечательного стилиста, «Чародея Великого Слова Российского», певца русской природы – Ивана Алексеевича Бунина, особенностью мировосприятия и философии которого является его отношение к миру природы как источнику сил и вдохновения. Как известно, ценностные ориентиры писателя связаны с его мифопоэтическим восприятием природы, основанным на убеждении о Всеединстве микро- и макрокосма, о гармоническом родстве природных, космических стихий и человека. Мифологизм, являясь одной из базовых категорий авторского мировидения И. А. Бунина, пронизывает всю художественную систему образов писателя, с помощью которых автор стремится понять психологические, религиозные и социальные корни человеческого бытия, понять суть объектов и происходящих вокруг событий.

В рамках данной статьи предпринята попытка анализа образной системы природной лексики в идиостиле И. А. Бунина (на примере номинатива *ветер*), отображающей особенности как индивидуально-авторского

мировидения, так и совокупность базовых образных моделей, демонстрирующих «механизмы категоризации и прототипические эффекты» [6], связанные с данной реалией, и указывающих на особенности национального мировидения.

Архетипическое восприятие проявляется в системе художественных образов Бунина, связанных с языческими представлениями о ветре, отождествляемом с космической силой, с духом Божиим, его дыханием, наделенным могуществом и отличающимся непредсказуемостью и дуалистической природой. Интересно отметить, что славяне выделяли для себя двух различных богов ветра – Посвиста и Стрибога, один из них был «освежительным и благодатным, другой – холодным, бурным и разрушительным» [10, с. 119].

Метод моделирования позволяет выявить сущность, специфику осмысления писателем природного мира через комплексное исследование элементов языковой системы [4, с. 116]. Самыми продуктивными в нашем материале выступают **антропоморфная и зооморфная модели**, описывающие внешне схожие поступки и действия живых существ в целом. Модель **дыхание – ветер** реализуется в русле традиционных представлений о живом дыхании Вселенной, касающейся земной поверхности: *...внезапно в пролет между ними пахнуло влажностью, – тем ветром, который прилетает к земле с огромных водяных пространств и кажется их свежим дыханием* («Осенью») [2, I, с. 463]; *Север дышит / Ветром ночи и польнь колышет...* («В отъезде поле») [Там же, с. 73]; *Морского ветра свежее дыханье / Из темноты доходит, как привет* («Морской ветер») [Там же, с. 242]; *...Дохнули ветром рощи и поля* («Бегут, бегут листы раскрытой книги...») [Там же, с. 138] и др.

Данная модель отмечена в ряде примеров, уподобляющих ветер дыханию человека и дополняющих исходный образ эмотивно-оценочной характеристикой: *Знойный ветер с юга веет, / Как дыханье милых уст* («В караване») [Там же, II, с. 112].

Метафорические сочетания воспринимаются как традиционные, однако их смысловой объем в условиях контекста подвергается авторским корректировкам, направленным на расширение функционально ориентированного лексического ряда глаголов. В результате замены привычного глагола близким ему по семантике предикатом, у которого погашаются ядерные семы и актуализируются потенциальные, возникают новые, неожиданные смыслы, усиливающие общий экспрессивно-эмоциональный фон художественного текста [8, с. 565].

Семантика процессуальности, заложенная в значении леммы *ветер*, предопределяет набор идентифицирующих признаков данного денотата: ‘движение’, ‘направленность’, ‘воздушный поток’ [9], на уровне синтагматической развертки это проявляется в сочетаемости данного имени с глаголами движения и перемещения, нацеливающими на создание типового образа-олицетворения. Движение ветра с учетом конкретизации процессных характеристик выражается предикатами, способными указывать на движение ветра не только вдоль земной поверхности, но и в других направлениях от земли, поэтому различаем движение параллельное / непараллельное горизонтальной поверхности: *идет, уходит, гуляет, входит, приближался, бежит, убегает, пронесился, понесется, повернул, налетел, поднялся, кружится* и др.

В рамках модели **живое существо – ветер** раскрывается динамичная природа данной стихии, способной свободно передвигаться в пространстве с разной степенью интенсивности. Возникновению образности способствуют контексты, развивающие семантику уподобления: *А когда ветер, как дух, как живой, убегает, кружась, в дальние аллеи, старые тополи гудят там угрюмо, жутко* («Без роду-племени») [2, I, с. 403]; а также метафорические сочетания с глаголами движения и перемещения, которые способствуют возникновению олицетворенного образа природной стихии, транслирующего авторские установки восприятия мира, доминантной среди которых является перцептивная насыщенность [7]: *Ветер осенний в лесах подымается, / Шумно по чащам идет, / Мертвые листья срывает и весело / В бешеной пляске несет* («Ветер осенний в лесах подымается...») [2, I, с. 45]; *Она читала, занималась рукоделием <...> меж тем как горячий ветер широко входил из сада в открытые окна* («Сын») [Там же, IV, с. 294]; *Мягкий ветер, дувший со всех сторон, иногда усиливался, порывисто бежал по ржам и овсам – и они сухо, тревожно шелестели* («Жертва») [Там же, III, с. 218]; *В блеске солнца влажный ветер / По лесам-полям гуляет* («Весенняя сказка») [Там же, I, с. 63] и др.

Как видим, детализация образа ветра и связанного с ним процесса движения создается за счет контекстного окружения и подключения дистантных сочетательных возможностей, учета имплицитных звеньев, что вызывает дополнительные смысловые ассоциации, способствующие синтетическому восприятию стихии как живого существа, обладающего определенным темпераментом и проявляющего различные эмоции. При этом на первый план выходит качественная характеристика стихии, активизирующая в первую очередь эмоционально-чувственную сторону восприятия: *<...> а уже ветер по морю мечется, рвет паруса, валит с ног разбойников* («Третьи петухи») [Там же, IV, с. 131]; *Ветер в жутком восторге пронесится в черных кустах* («Смотрит месяц ненастный, как сыплются желтые листья...») [Там же, I, с. 95]; *Скоро бешеным разгулом / В поле ветер понесется* («Последняя гроза») [Там же, II, с. 136]; *Но по лозняку, что темнел вдоль вала слева, то и дело тревожно шел и, разрастаясь, приближался глухим неприязненным шумом северо-восточный ветер* («Ночной разговор») [Там же, III, с. 113] и др.

В рамках зооморфной модели **птица – ветер**, развивающей традиционные представления, сравнительные конструкции способствуют сближению различных денотатов на основе общности их функций. Так, к примеру, движение ветра уподобляется Бунинным движению большой птичьей стаи: *Вдруг ветер со всего размаху хлопает дверью в стену и, как огромное стадо птиц, с шумом и свистом пронесится по крыше* («Сосны») [Там же, I, с. 434]. Данная модель реализуется также благодаря глагольным предикатам соответствующей

семантики (*налетает, прилетает, кружится* и др.): **И ветер бурно налетел, / Промчавшись в море зыбью длинной** («Буря») [Там же, II, с. 135]; <...> **тогда тяжёлым взмахом налетал ветер, чаще и гуще стрекал кошой дождь в стекла окон и еще жалобнее завывало в печке...** («Учитель») [Там же, I, с. 309].

Тенденция к персонификации ветра разворачивается в рамках сочетаемости с глаголами активного физического действия и воздействия на объект, что объясняется объективными свойствами данного явления, воспринимаемого как неуправляемое стихийное природное явление, грозная физическая сила, способная не столько создавать, сколько разрушать. Метафорический перенос позволяет провести условное соизмерение различных действий природного явления с действиями человека. Данный вид сочетаемости широко представлен в исследуемом материале и коррелирует с бунинской философией о сопричастности человека всему миру, Абсолюту через частные проявления этих высших сил.

Сочетаемость с глаголами разрушения и уничтожения эксплицирует сему интенсивности, сильного силового воздействия, имплицитно указывая на качественный признак 'очень сильный'. Сочетание формируется на базе номинативного значения предикатов *ломил, рвал, трепал, валил, свергал* и др. с текстовым наращением, что ведет к метафоризации целого высказывания: **Она распахнула дверь, и ветер, как шальный, со стуком рванул к себе раму, с шелестом и шумом деревьев ворвался в комнату и мгновенно вырвал свет из лампы** («Без роду-племени») [Там же, с. 405]; **Ветер бушует и рвет крышу** («В поле») [Там же, с. 344]; **Беспоицдно трепал тогда ветер обнаженные ветви березы!** («Эпитафия») [Там же, с. 421] и др.

Большую сочетаемостную зону при лексеме *ветер* образуют глаголы с обобщенным значением 'наносить удары' (*бить, ударить, хлопать, валить с ног*): **Ветер с разных сторон, сильно и мягко бил из темноты в морду Чанга, раздувал и холодил густой мех на его груди** («Сны Чанга») [Там же, IV, с. 59]; **Ветер искал, откуда бы покрепче ударить, и как только пароход, медленно ему кланявшийся, взял покруче вправо, поднял его таким большим, кипучим валом, что он не удержался, рухнул с переката вала, зарываясь в пену** <...> («Сны Чанга») [Там же, с. 52].

Нам материал показывает, что диапазон конкретных физических действий, которые способен совершать субъект-ветер, необычайно широк. Помимо агрессивного воздействия на объекты, ветер способен к изменяющим действиям созидательного характера: **А по саду пустому кружит ветер / И, листья подметая по аллеям, / Гудит в березах старых...** («Отрывок») [Там же, I, с. 96];

– со значением соединения: **Он был без шапки, ветер пугал его седые космы – бороду мужицкого Иова** («Игнат») [Там же, III, с. 339];

– со значением отделения объекта: **Ветер разобрал волосы на лбу Семена, приятно отдувая их** («Жертва») [Там же, с. 219];

– со значением 'придавать наклонное положение объекту': <...> **и заливається-стонет ветер, гнет в поле одинокую голую березку...** («Учитель») [Там же, I, с. 307];

– со значением 'приводить в движение': **Дождь стихал; холоднело; ветер гнал в холодном небе белые космы туч** («Учитель») [Там же, с. 309] и т.д.

Индивидуально-авторское мышление создает образы на основе комбинации различных понятий, которые соотносятся с многорядными ассоциациями **человек – ветер и птица – ветер**: **Ветер рвал с крупной шумной зыби брызги, налетал откуда понало, свистал в ряхах и гулко хлопал внизу парусиновыми тентами** («Сны Чанга») [Там же, IV, с. 52]; **шаман – ветер, зверь – ветер**: **А там, как буйный пляс шамана, / Ворвутся в голую тайгу / Ветры из тундры, с океана, / Гудя в крутящемся снегу / И завывая в поле зверем. / Они разрушат старый терем, / Оставят колья и потом / На этом острове пустом / Повесят инеи сквозные** («Листопад») [Там же, I, с. 70].

Анализируемый материал доказывает стремление Бунина охватить объективный мир в полном объеме и отразить его через расширенный количественный состав элементов структуры предложения, что проявляется, в частности, в комбинации различных глагольных ЛСГ, функционирующих в составе расширенных предикативных рядов: глаголов движения, конкретного физического действия, звучания, психической деятельности: **Ночью, когда набегаящий ветер беспокойно и осторожно, точно ища чего-то, шелестел сухими ветвями дикого винограда на нашем балконе и доносил полусонный шум волн, я все еще провожал «Надежду» на ее пути в темном море...** («Надежда») [Там же, II, с. 212]; **Крепясь, стоял я на скале, а ветер / Сорвать меня пытался, проносясь / С звенящим завываньем в низкорослых, / Измятых, искривленных бурей соснах, / И доносил из глубины глухой / Широкий шум – шум Вечности, протяжный / Шум дальних волн...** («Атлант») [Там же, I, с. 175]. Подобный «эффект цепочки» глагольного ряда позволяет сконцентрировать внимание на степени проявления действия по различным признакам, как то: скорость перемещения субъекта, способы и сила воздействия им на объекты, эмотивная и звуковая характеристика процесса. Осмысление действия, производимого ветром, имеет ярко выраженную психологическую окраску и, кроме того, увеличивает объем информативной нагрузки данной лексемы в развертывании общего событийного фона художественного текста.

Как видно из анализируемого материала, представление о ветре как о живом существе обеспечивает этому слову сочетаемость с широкими группами глаголов, однако сочетаемость слов может моделироваться не только по мифологическим представлениям, она может возникать путем синтезирования в авторском сознании образов на уровне ощущений, несовместимых с позиций логики [1, с. 325]. Так, в нашей картотеке выявлены примеры, соотносящие ветер с абстрактными категориями: **болезнь – ветер**: **Обступают осторожно / Небо тучи, и тревожно, / Точно жар и бред недуга, / Набегает ветер с юга** («Последняя гроза») [2, II, с. 136], **привет – ветер**: **Морского ветра свежее дыханье / Из темноты доходит, как привет** («Морской ветер») [Там же, I, с. 242].

Наблюдаются также обратные ситуации, когда какое-либо событие уподобляется ветру: *Сладостным ветром было пришествие в мир Иисуса* («Пустыня дьявола») [Там же, III, с. 430]; <...> как *внезапный ветер по затрепетавшим листьям дерева, по всему моему телу прошла одна мысль, одно сознание: в доме смерть!* («У истока дней»); *Блок слышит Россию и революцию, как ветер* <...> («Окаянные дни») [Там же, VI, с. 304].

Из парадигмы образов ветра как разрушительной стихии в автобиографических заметках писателя сочетание «ветер пустыни» обретает символический смысл, соотносясь с библейским сюжетом об Иове, потерявшем всё свое имущество и детей от «ветра великого, поднявшегося со стороны пустыни и обхватившего четыре угла дома, который упал на отроков» [Там же, VIII, с. 40]. Образ ветра, несущего смерть и разрушение, писатель переносит на современное ему состояние общества, в контексте его рассуждений данный образ получает значение 'вырождение' от внутренних пороков или в результате неизбежных сил судьбы: *В конце девяностых годов еще не пришел, но уже чувствовался «большой ветер из пустыни»* («Из воспоминаний. Автобиографические заметки») [Там же, IX, с. 25]; *Но вот что чрезвычайно знаменательно для тех дней, когда уже близится «ветер из пустыни»: силы и способности почти всех новаторов были довольно низкого качества, порочны от природы, смешаны с пошлым, лживым, спекулятивным, с угодничеством улице, с бесстыдной жаждой успехов, скандалов...* («Из воспоминаний. Автобиографические заметки») [Там же, с. 26]; *Толстой сам призывал и наконец призвал на свой «дом» и на самого себя этот «великий ветер» тоже по воле Того, покорность Которому стала в некий срок альфой и омегой всей его жизни* («Освобождение Толстого») [Там же, VIII, с. 40].

Мотив ветра, связанного со смертью, проходит через все творчество Бунина, в стихотворении «Птица» образ ветра *хамсин*, которым в арабских странах именуют южный, сухой, сопровождающийся удушливым зноем, приносящий сухую горячую пыль пустыни ветер, несет философский смысл: *Хамсин на них горячей мглой дует, / Песок, струясь, бежит по их костям. / Всем чуждая, на них сова ночует / Среди могильных ям* [Там же, I, с. 182]. Здесь ветер является символом Вечности, напоминая человеку о скоротечности и кратковременности его существования, о его назначении и роли на земле.

Таким образом, на основе анализа парадигмы образов, ассоциативно связывающих ветер с живым существом, наделенным активной силой и способным выражать эмоции и чувства, или же с абстрактными категориями ментальной сферы, возникает уникальный синтетический образ ветра, вскрывающий свойства его прототипа и эксплицирующий новые качества и признаки денотата на основе его системных и несистемных связей, возникших в авторском сознании. Инвентаризация образных представлений, реализованных в системе произведений И. А. Бунина, позволяет воссоздать неповторимость его субъективной картины мира, основанной на чувственном мировосприятии и синестетизме, а также помогает выявить архетипы национального сознания, что расширит представления о самоидентичности и способах концептуализации мира русским «космологом».

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Семантическая структура и функции субъекта // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1979. Т. 38. № 4. С. 323-334.
2. Бунин И. А. Полное собрание сочинений: в 13 томах. М.: Воскресенье, 2006. Т. 1. 576 с.; Т. 2. 592 с.; Т. 3. 552 с.; Т. 4. 536 с.; Т. 6. 488 с.; Т. 8. 544 с.; Т. 9. 592 с.
3. Голицын Г. А. Образ как концентратор информации // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 183-190.
4. Кочнова К. А. Языковая модель пейзажа писателя: аспекты исследования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 3 (45): в 3-х ч. Ч. 1. С. 115-117.
5. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
6. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И. Б. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
7. Мещерякова О. А. Семантика перцепции в аспекте художественной когниции И. А. Бунина: автореф. дисс. ... д. филол. н. Елец, 2011. 47 с.
8. Усманова Л. А. Образное осмысление явлений природы в идиостиле И. А. Бунина // Функциональная семантика и семиотика знаковых систем: сб. науч. ст.: в 2-х ч. / сост.: В. Н. Денисенко, Е. А. Красина, Н. В. Новоспаская, Н. В. Перфильева. М.: РУДН, 2014. Ч. 1. С. 564-573.
9. Чуева Э. В. Лексико-семантическая сочетаемость имен, называющих стихийные природные явления: дисс. ... к. филол. н. Казань, 1997. 216 с.
10. Шеппинг Д. О. Мифы славянского язычества. М.: АСТ, 2007. 301 с.

THE SEMANTIC MODULATIONS OF THE AUTHOR'S WORD

Usmanova Liliya Abrarovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Kazan (Volga Region) Federal University
usmanova77@rambler.ru

The article examines the problems of the associative possibilities of the word in the space of the artistic discourse, the connotative semantics of the lexemes, naming the natural phenomena (by the example of the lexeme *wind*), is analyzed, the author's priorities of figurative and axiological interpretations of these words are ascertained. The strategies of the textual semantic variation of the word under study are revealed, which go back to the archetypes of thinking and concentrate knowledge of the surrounding world.

Key words and phrases: artistic image; mythologism; archetypes; individual-figurative meanings; associative relations.